

УДК 811.1/8
DOI 10.17223/19986645/31/3

И.В. Тубалова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

В статье рассматриваются функции использования институциональных речевых моделей в личностно-ориентированных дискурсах. Специфика обращения к ним регулируется (1) характером дискурсивной интенции, дифференцирующей дискурсы практической и интерпретационной направленности, и положением в дискурсе обыденного человека как его участника, для которого вступление в дискурс может носить либо рутинный, привычный характер, либо иметь характер непривычной, исключительной речевой деятельности, основанной на нарушении регулярного режима общения.

Ключевые слова: институциональные речевые модели, дискурс, личностно-ориентированный дискурс, повседневность, обыденный человек.

В настоящем исследовании неоднородное, фрагментарное и полифоничное пространство личностно-ориентированной коммуникативной деятельности человека рассматривается с точки зрения **теории дискурса**, где дискурс понимается как «коммуникативное событие» (Т. Ван Дейк), как «особый способ общения и интерпретации окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [1. С. 18].

Дискурс-анализ как междисциплинарный метод рассматривает коммуникативную деятельность человека в ее обусловленности индивидуально-личностными и социальными факторами. При этом социальные факторы при интерпретации речевой деятельности оказываются ведущими в силу особой конвенциональной природы говорения как формы человеческого взаимодействия. Уже в работах М. Бахтина подчеркивается, что «организующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [2. С. 95].

В современных исследованиях **личностно-ориентированные** дискурсы противопоставляются **институциональным** (см. [3, 4, 5] и др.). В основе такого противопоставления лежит характер и способ организации дискурсивной интенции. Институциональная дискурсивная деятельность регулируется единой, консолидированной в соответствии со спецификой социального института целью (политического – борьба за власть, дискурса документа – официально-деловое регулирование, образовательного – распространение знания и под.), последовательно подчиняющей локальные конкретно-ситуативные дискурсивные интенции. Личностно-ориентированные дискурсы подобным интенциональным единством не обладают, демонстрируя **множественность целей и локальность их характера** [4. С. 175]. Локальные цели устанавливаются в рамках конкретной коммуникативной ситуации, каждая из которых формирует особый личностно-ориентированный дискурс («ситуационный дискурс», по Т.А. ван Дейку). Именно в связи с этим в данной работе термин

«лично-ориентированный дискурс» используется для обозначения конкретного «ситуационного» (по Т. ван Дейку) дискурса, формируемого вокруг отдельной институционально не регулируемой коммуникативной ситуации (дискурс семейного ужина, ремонта квартиры, разговора с соседкой, со случайным собеседником в транспорте и под.). Для обозначения неомогенной совокупности лично-ориентированных дискурсов используется термин «лично-ориентированная дискурсивная сфера», эксплицирующий общие свойства институционально не регулируемой дискурсивной деятельности.

Исследуя структуру социальной деятельности с дискурсивных позиций, современная лингвистика главным образом обращается к социально-исторически обусловленной системе дискурсов, в основе которой – принцип институциональности.

Внимание к лично-ориентированной коммуникативной сфере активно проявляется в гуманитарных исследованиях XX в. (в работах М. Хайдеггера, А. Щюца, П.Л. Бергера, Р.К. Мертона и др.), в том числе – во второй половине XX в. – в лингвистических исследованиях (в западных исследованиях – работы в области конверсационного анализа [6, 7], в отечественной лингвистике – исследования устной разговорной речи (Т.Г. Винокур, В.Д. Девкин, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев, Л.А. Капанадзе, Н.Н. Розанова, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина и др.), а также исследования в области социальной психологии и психолингвистики (Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев и др.). Письменные формы реализации лично-ориентированной речевой деятельности – естественная письменная речь – получили развернутый анализ в современных исследованиях барнаульско-кемеровской школы (см. [8, 9, 10] и др.).

Отдельные специфические характеристики внеинституциональных (=бытовых, =обиходных, =разговорных) дискурсов нашли отражение в работах [11, 3, 12, 4, 5, 13, 14] и др.

Рассматриваемый тип дискурса в рамках социолингвистического подхода В.И. Карасик определяет как лично-ориентированный, противопоставленный дискурсам институциональным [3]. Если в дискурсах институциональных ведущим регулирующим началом является интенция, сформированная и закреплённая на государственном уровне в рамках определенного социального института, то дискурсы лично-ориентированные регулируются внутренними законами межличностного общения, отработанными в данном национально-культурном сообществе и освоенными индивидами индуктивным способом. Виды ситуаций институционального общения определяются задачами соответствующего института и в большинстве специально оговариваются в различных предписаниях, законах, инструкциях, руководствах и под. Индивидуально-личностная коммуникация характеризуется принципиальной открытостью границ. В ее рамках действуют стереотипные дискурсивные правила, основанные на практическом опыте участников общения и определяющие специфику организации речевой формы. При этом практический опыт субъектов дискурсов – это опыт полидискурсивный, включающий, наряду с бытовым, опыт участия в институциональной дискурсивной деятельности на правах клиентов дискурса (оформление документов, участие в поли-

тических выборах и под.). В результате в текстах личностно-ориентированных дискурсов обнаруживаются речевые модели, спродуцированные дискурсами институциональными (институциональные речевые модели).

Но характер восприимчивости личностно-ориентированных дискурсов к использованию институциональных речевых моделей в структуре речевой формы оказывается различным. Специфика обращения к ним определяется **качеством дискурсивной интенции**, позволяющим типологизировать личностно-ориентированные дискурсы на его основании.

Цель данной статьи – представить особенности функционирования речевых моделей, выработанных в институциональных дискурсах, в тексте личностно-ориентированных дискурсов различного типа.

Анализ личностно-ориентированной коммуникативной сферы предполагает обращение к категории **обыденного человека** – функциональной социально-ролевой позиции, которая, с учетом вариативных внешних условий его бытия, противопоставляется позиции институционально заданной («профессиональной»). В целом в функционально-деятельностном аспекте вся осуществляемая человеком деятельность (в том числе и речевая) может быть представлена как результат реализации социальных ролей, которые предполагают определенные модели поведения.

Обыденный человек реализует свою социальную роль как в личностно-ориентированной, так и в институциональной сферах, выступая в последнем случае как клиент институционального дискурса.

При обращении к личностно-ориентированной деятельности обыденного человека с позиций дискурс-анализа его речевая деятельность рассматривается как воплощение социально-речевого опыта, получение которого определено условиями полидискурсивного существования.

Выбор коммуникантом стратегии порождения текста в рамках указанной деятельности определяется, с одной стороны, его индивидуальным опытом, представлениями «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» [15. С. 51], с другой – его знаниями о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов [Там же], и отдельным компонентом такого знания является представление о том, какие речевые модели в этих дискурсах следует использовать. Так, институциональные дискурсы активно оперируют специальными номинациями (медицинские, бухгалтерские, методические и им подобные термины, наименования официальных структур, реалий политической жизни государства и др.), а также требуют использования особых речевых формул при трансляции институционально значимого содержания (*в соответствии с требованиями...*, *на основании вышесказанного...* и под. – в дискурсе документа, *выполнять план пятилетки, проводить политику партии* и под. – в советском политическом и политико-административном дискурсе и др.).

Обращение обыденного человека к институциональным речевым моделям в дискурсах личностно-ориентированных регулируется следующими факторами.

1. **Спецификой дискурсивной интенции**, дифференцирующей дискурсы **практической и интерпретационной** направленности.

2. **Положением в дискурсе обыденного человека** как его участника, для которого вступление в дискурс может носить либо рутинный, привычный характер, либо иметь характер непривычной, исключительной речевой деятельности, основанной на нарушении регулярного режима общения. На основании данного фактора мы выделяем дискурсы **повседневные и неповседневные**.

Результатом действия названных факторов является, во-первых, наличие/отсутствие институциональных речевых моделей в структуре речевой формы личностно-ориентированных дискурсов; во-вторых, функциональная специфика их использования.

Рассмотрим специфику использования институциональных речевых моделей в личностно-ориентированных дискурсах, дифференцированных на основании **характера дискурсивной интенции**.

В дискурсах, направленных на преобразование текущей экстралингвистической ситуации (ремонт, копка картошки, уборка, приготовление пищи, покупка в магазине и т.д.), речь сопровождает осуществление участниками дискурса каких-либо практических действий, организуя их, регулируя бытовое поведение. Речь состоит из лаконичных фраз, стандартных по структуре, что определяется спецификой дискурсивных целей – добиться осуществления **неречевых** действий в желаемой форме (В.П.: *А ты окучил картошкито?* Г.Д.: *Ага, счас окучил. Ну, я то'ко край туда, видишь, а Нина [жена] гыт, «это я подобью».* Не доверя'т. В.П.: *Не доверя'т, больши', ага?* Подбива'т, наверно? Г.Д.: *Ага.* [16]; Б. *А ты молоко будешь?* В. *Я пил вообще-то// Потом может// Б. Вот яблоко можешь// В. Яблоко да// Б. На// В. Угу//* [17]; [Дочь, жен, 16] *Мама / можно я пойду погулять сегодня?* [Мать, жен, 40] *Ты же мне обещала помочь?* [Дочь, жен, 16] *А я завтра помогу...* [Мать, жен, 40] *Нет / лучше сегодня помоги / а завтра пойдешь гулять!* [18].

Личностно-ориентированные дискурсы такого типа мы определяем как дискурсы **практической направленности**. В их рамках не создаются условия для запрашивания инодискурсивных институциональных моделей, используются отработанные в личностно-ориентированной сфере относительно стандартные речевые модели, наиболее востребованные при решении текущих практических задач, на решении которых сосредоточена когнитивная деятельность субъектов.

В дискурсах, направленных на интерпретацию реальности, порождение текста – действие доминантное. Вербализуемый обмен фактами и мнениями имеет самостоятельное значение и существует относительно независимо от сопровождающих его неречевых действий (семейный разговор за ужином, болтовня с соседкой, направленный разговор информанта с собирателем, «кухонные» разговоры и т.д.), именно на нем сосредоточена когнитивная деятельность субъектов.

Н.Д. Арутюнова, определяя один из видов подобной деятельности как «праздноречевую», отмечает, что данная деятельность «не имеет <...> практической цели, но очень важна как регулятор психического состояния людей,

их взаимоотношений; она развивает художественные задатки, тренирует интеллектуальные способности» [14. С. 605].

Достаточно подробно специфика речевой деятельности рассматриваемого типа была проанализирована в рамках теории речевых жанров (см. работы В.В. Дементьева, К.Ф. Седова, Т.В. Шмелевой и др.). Так, К.Ф. Седов определяет жанровую принадлежность таких текстов как «разговор», включающий такие разновидности, как бытовой разговор (болтовня), разговор по душам, разговор в компании (дружеская беседа) и светский разговор (светская беседа) [19].

Личностно-ориентированные дискурсы такого типа мы определяем как дискурсы **интерпретационной направленности**. Именно они создают условия для разнообразия речевой формы, в том числе для активного привлечения институциональных речевых моделей. Обращение к ним регулируется принципами междискурсивного взаимодействия – принципами адаптации инодискурсивных правил организации речевой формы к правилам принимающего дискурса. Выступая в качестве последнего, рассматриваемый дискурс требует переосмысления институционально значимого содержания в соответствии с его личностной значимостью.

Бытовые аналогии институциональных правил оказываются постоянно востребованными обыденным человеком в его личностно-ориентированной речевой деятельности: *Вот будет у тебя паспорт – будешь когда угодно домой приходить!* / *Пусть идет куда хочет – у нас в семье демократия* (РРТ¹). Усвоенные в рамках регулярного институционального опыта концепты используются для выражения личностно-ориентированного содержания (наличие *паспорта* (а) как показатель институционального гражданского статуса, обеспечивающего доступ к институционально оформленным правам и свободам, – (б) как показатель доступа к свободе от семейных авторитетов; *демократия* как (а) институционально значимый тип лояльной политической позиции – (б) личностно значимый тип лояльных семейных отношений).

Безусловно, для реальной практики речевого события не характерна жесткая дифференциация обозначенных типов дискурсов: элементы практических и интерпретационных интенций обнаруживаются в большинстве фактических речевых ситуаций. Так, практико-ориентированный диалог легко перетекает в «общение ради общения», в рамках которого, в свою очередь, может возникнуть интенция рассказывания анекдота или былички – «по случаю» или с целью «разрядить ситуацию». Кроме того, особая конвенциональность личностно-ориентированного общения позволяет прочитывать некоторые формально практико-ориентированные диалоги как в большей степени интерпретационные. Рассмотрим бытовой семейный диалог: [*Мать – сыну, который пьет молоко из бутылки:*] *Кружку возьми, кружку возьми-и-и!* [*Сын:*] *Использование лишних предметов крайне затрудняет процесс! Да, пап?* [*Отец:*] *Взрослый стал, что ли?!* (РРТ). В данном случае не только реплика отца, но и реплика матери в первую очередь носит оценочный характер, прочитывающийся в рамках дискурсивной конвенциональности. Прак-

---

¹ РРТ – здесь и далее: записи текстов городской разговорной речи, сделанные в г. Томске и Томской области в 2003–2014 гг. автором, а также студентами в рамках учебных практик (2008–2013 гг.).

тическая ориентация дискурса на первых этапах диалога выступает как мотивированная дискурсивно обусловленной интерпретацией действительности, а на последующих его этапах нейтрализуется. Восприятие реплики матери как оценочной провоцирует сына на ироническую реакцию, в рамках которой осознанное ироническое использование подчеркнуто-неуместных институциональных речевых моделей выражает не отказ от совершения требуемого действия (практическая реакция), а ответ на полученную оценку (интерпретационная реакция).

Институциональные речевые модели как результат усвоения институционального дискурсивного опыта выполняют в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности следующие функции.

1. Потребность в передаче определенного диктумного содержания, выработанного в дискурсе-источнике и закрепленного в особой речевой форме, определяет использование рассматриваемых речевых моделей в **собственно-информативной** функции, т.е. для номинирования выработанного дискурсом-источником содержания, обладающего для говорящего личностной значимостью: *А ты прямо в трубах разбираешься! У них там есть определенный **технический регламент**, который не позволяет какие попало трубы ставить (РРТ); Когда давали в начале года/ за счёт сэкономленных средств прибавку/ двести тысяч что ли/ к окладам/ кому дали? Всем начальникам дали/ и техникам/ и то не всем прибавили/ и всё// а кто получал мизер/ так и получает [20].*

2. В процессах междискурсивного взаимодействия выработанное дискурсом-источником содержание может быть трансформировано на основании восприятия институциональных дискурсов как **социально авторитетных**. Социальный авторитет дискурсов институциональных может быть проинтерпретирован говорящим в индивидуально-личностном аспекте. В результате институциональные речевые модели становятся носителями определенных модусных смыслов, сформированных на основании трансформации смыслов дискурса-источника, и могут быть использованы для номинирования содержания не собственно-институционального, универсального (ср.: *сахар **употреблять не рекомендуется*** = *сахар есть не советуют; **исключила из еды*** = *не стала есть* и под.). Эксплицирующие его речевые модели становятся носителями следующих функций.

А) Институциональные речевые модели могут выступать в качестве «легитимной опоры» бытовой интерпретации действительности. Признавая социальный авторитет дискурса-источника, говорящий использует его речевые модели для подтверждения собственной позиции. Так, за счет их использования может быть реализован **эффект убедительности** (4л. – *А-а-а!.. Думали ра-ак// **Ноль кислотность** у него года два// Вот он мед мед мед тил/ она же... он же **повышает** страшно// /.../ 9л. – Ну вот Галенька/ э... в «Здоровье» пишут/ что в нашем возрасте уже сахар **употреблять не рекомендуется**/ особенно **кристаллический** этот/ песок// А лучше если варенье или мед// И я теперь совершенно **исключила** из еды э... э... этот вот/ сахар// [21]), **позитивно-оценочный** эффект ([Ю.К., жен, 19] *Супер вообще// Вот так// Такого я не видела/ лучшего// Она сама/ хозяйка/ **является** этим/ **директором предприятия**// Продает металл/ горячая сталь/ холодная**

сталь/ всякие вот эти вот/ шифер/ 7-волновый// Для меня это/ вагонами чё-то продают// Для меня это вообще китайская грамота [18]) и под.

Б) Институциональные речевые модели могут быть представлены говорящим как знаки, фиксирующие негативное восприятие социального авторитета институциональных дискурсов. На данном основании в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности активно формируются оценочно-иронические модусы – институциональные речевые модели используются для реализации **иронической** функции.

Так, иронические интенции говорящего могут быть направлены на стандарты официальной идеологии (учитывая время фиксации текста – на стандарты советской официальной идеологии), позитивно оценивающие социальную активность человека: *В. Бабушка с нами живет// Да она щас пошла... она у нас... общественный деятель/ Л. Да? В. Общественный деятель большой/ да// То она идет на... на совет пенсионеров/ то она идет в кружок/ то она идет в библиотеку... помогать/ щас вот она на кружке/ как раз вышивальном// [17].* Шутливая положительная оценочность возникает на базе несоответствия социальной природы содержания речевой формы в дискурсе-источнике реализуемому в данном контексте личностному смыслу.

Ироническая переориентация оценочного вектора нередко реализуется при употреблении речевых моделей с-советского политического дискурса, в дискурсе-источнике – позитивно-оценочных (*И. ...и меня э... Вахтанг Иванович Мchedлов/ готовил/ в/ дублериши Тарасовой/ которая была премьершей/ в молодежном с... спектакле/ «Зеленое кольцо»// Имевшем тада большой успех// Но тут подоспело/ **воззвание партии и правительства/ к молодежи/ заменить/ пустовавших/ э-э... учителей начальной школы// – М. Узу// – И. И/ я/ **принесла такую жертву революции/** я бросила Художественный театр/ с почти готовой ролью/ и пошла/ учить детей// Я была такая дура/ но что с меня взять/ мне еще/ было восемнадцать лет// [22]).***

Приоритет использования институциональных речевых моделей в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности косвенно подтверждается количественными подсчетами. Безусловно, большинство проанализированных автором статьи записей устной разговорной речи (более 1500 текстов, в которых зафиксировано более 2500 употреблений институциональных речевых моделей), полученных при использовании методик как направленной беседы, так и включенного наблюдения, отражают речевую деятельность в рамках дискурсов интерпретационной направленности. Текстов, зафиксированных в рамках дискурсов практической направленности, значительно меньше (около 140). В основном это тексты, полученные при использовании методики включенного наблюдения – в процессе совместной работы. Но отсутствие рассматриваемых речевых моделей в них все же показательно.

Таким образом, дискурсы практической направленности, в силу когнитивной фокусировки их участников на процессах экстралингвистической деятельности, не создают условий для использования инодискурсивных речевых моделей в репликах, сопровождающих практический процесс. Активное обращение к ним – результат интерпретационной деятельности сознания,

характерной для дискурсов интерпретационной направленности, где информативно-оценочная речевая деятельность доминантна.

Использование институциональных речевых моделей в дискурсах интерпретационной направленности регулируется еще одним значимым фактором. На специфику их употребления оказывает влияние **положение в дискурсе обыденного человека как его участника**, для которого осуществляемая речевая деятельность, регулируемая дискурсивной интенцией, может либо иметь характер привычной, многократно отработанной в личностно-ориентированном общении, либо развиваться по незнакомым сценариям, нарушающим привычный режим общения.

Нам представляется, что личностно-ориентированное общение, протекающее в непривычном для его участника русле, формирует особые дискурсы, что определяет специфику их речевой составляющей, в том числе специфику использования институциональных речевых моделей.

Дискурсы, привычные для обыденного человека, в которые он вступает регулярно, мы определяем как **повседневные**, а дискурсы непривычные, исключительные для него – как **неповседневные**.

Повседневность как особый объект гуманитарного познания, терминологически обозначенный в начале XX в. работах М. Хайдеггера (см. работу [23] и др.), отрефлексирована в исторических, философских, культурологических, психологических методологических исследованиях сравнительно недавно (см. работы [24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31] и др.).

Осознание повседневности как особого исследовательского объекта поставило вопрос об определении ее места в парадигме человеческого существования, о законах ее регулирования, о специфике методологии ее анализа. Указанные аспекты активно дискутируются в современных исследованиях, в трактовке обсуждаемой категории нет однозначности. При характеристике онтологической сущности повседневности как вида коммуникативной деятельности человека в качестве наиболее значимых ее признаков мы выделяем ее рутинный, типичный, регулярно воспроизводимый характер. Это деятельность, способ протекания которой для индивида привычен и близок к автоматическому.

Противопоставляемая ей деятельность неповседневная отличается непривычностью, неотработанностью сценариев, в том числе дискурсивных.

В повседневности цели субъектов дискурса направлены на поддержание отработанного порядка, что обеспечивает его протекание по относительно стабильным моделям. В сфере неповседневной деятельности цели субъектов направлены на восстановление порядка – в своем собственном представлении о нем, что может не соответствовать порядку дискурса.

Одним из наиболее значимых факторов, определяющих характер дискурсивной деятельности обыденного человека как неповседневной, является фактор **условий общения**. В свою очередь, в структуре условий личностно-ориентированного общения (как сложной категории, включающей локус, время, тип речевых партнеров и под.) ведущую в рассматриваемом отношении роль играет фактор участников общения. Так, нарушение повседневного характера речевого взаимодействия, создающее психологический дискомфорт, наблюдается в условиях общения с незнакомым собеседником. Гово-

рящий, взаимодействуя с незнакомым речевым партнером, транслирует информацию не конкретной личности (знакомой, привычной), а «человеку вообще», ориентируясь на обобщенного собеседника по типу множественной коммуникации. Подобным образом может строиться общение информанта с филологом-собирателем, особенно на начальном его этапе, когда фактор передачи информации представителю инокультурной среды особо актуален, а личностный контакт, создающийся в процессе дальнейшего взаимодействия, еще не установлен. В этом случае информант чувствует себя не просто собеседником, а участником некоторого внешне организованного коммуникативного процесса взаимодействия с представителем инокультурной среды.

Обозначенные выше функции использования институциональных речевых моделей в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности особым образом преломляются в повседневном и неповседневном общении. Рассмотрим их специфику в данном аспекте.

1. В собственно-информативной функции институциональные речевые модели чаще фиксируются в дискурсах повседневных (*Получим в Новгороде квартиру... У няво отчим есть. Отчим тоже был на подводной лодке и моряком двадцать пять лет. Он получает щас пенсию хорошую. Попадено у него **заявление на квартиру** в Новгороде. Ну вот не знаю – либо уже и дали. Они говорили / что скоро дадут [18]*). Подобных примеров в проанализированном материале – около 85%. Но это отнюдь не означает, что к институциональному диктумному содержанию в дискурсах неповседневных обыденный человек обращается реже: во многих случаях информативность номинирования сопровождается реализацией модусов, эксплицирующих дискурсно-источник как социально авторитетный. Исследуемые речевые модели во многих случаях выполняют в неповседневных дискурсах функцию «легитимации» представляемого содержания наряду с информативной.

2. Реализация модусных смыслов фиксируется при употреблении институциональных речевых моделей как в повседневных дискурсах, так и в неповседневных. При этом их функциональная специфика очевидна.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что частотность трансляции дополнительных модусных смыслов на основании обращения к рассматриваемым речевым формам в дискурсах неповседневных значительно превышает соответствующий показатель в дискурсах повседневных (приблизительно 70 и 30% соответственно). Указанное соотношение выглядит еще более показательным с учетом того, что факты иронического употребления исследуемых речевых моделей в неповседневных дискурсах фиксируются крайне редко (менее 5% от общего количества несобственно-информативного употребления).

Приведем некоторые обоснования, определяющие такое соотношение.

Неповседневный характер общения способствует повышению концентрации институциональных речевых моделей в текстах, тематически ориентированных на институционально заданное содержание: [*один из родителей в разговоре с другими родителями и учителем:*] *Вот это у нас такая **программа**, где все нужно только с родителями делать. Совсем сам уроки не делает. Но самостоятельность учиться – это та **базовая компетенция**, которая должна **формироваться** в начальных классах, я считаю!* (PPT).

Общение с множественными, не близко знакомыми собеседниками, в неспокойной обстановке, а также особый институциональный статус одного из них (учитель) требует использовать речевые модели методического дискурса не только для номинирования выработанного в нем содержания (*программа*), но и для обозначения индивидуально-личностной позиции (*та базовая компетенция, которая должна формироваться в начальных классах = то, чему нужно научить в начальных классах*).

Общение с речевым партнером особого типа провоцирует говорящего обращаться к институционально значимому содержанию и независимо от изначально заданной тематики общения. Так, реагируя на просьбу рассказать о себе, информанты в первую очередь строят повествование с опорой на социально значимые (и официально оформленные) факты собственной биографии, активно привлекая институциональные значимые ее аспекты и используя для их выражения институционально отработанные речевые модели. Последние в данном случае приобретают дополнительную функцию – презентации личных успехов говорящего, маркируя оценку его трудовых достижений в личностном аспекте: *Работала в сельпо. Ну, комсомолка, конечно, была, с тридцать пятого года. Направили в органы, секретарь-счетовод. Работала до пятидесятого года* [32]; *За работу в тылу награждена тремя медалями – «За самоотверженный доблестный труд», «100 лет со дня рождения Ленина», «Участнику трудового фронта». Привезли в подарок скатерть... (СГ¹); Работала в Кёнге, начала еще до войны. Имела билет ударника, возили на слет ударников. Так и жила – куда посылали, туда шла (СГ); В училище поступил, отучился, на столяра-мебельщика выучился, работал до армии столяром-мебельщиком на таганрогском мебельном комбинате. Потом был призван в ряды Советской Армии. После армии по комсомольской путевке работал в Москве на заводе имени Лихачева. Год отработал, а оттуда уже приехал сюда... Крутится... [о магнитофоне]* [33]. Последний пример отражает актуальность для говорящего магнитофонной фиксации его реплик, что создает дополнительные условия для неповседневного говорения и заставляет говорящего изъясняться особым образом, ориентируясь на «легитимные» институциональные речевые модели.

Условия неповседневного, психологически дискомфортного общения (с представителем инокультурной среды) определяют использование говорящим институциональных речевых моделей даже вне обращения к институциональному содержанию. Использование обозначенных речевых моделей реализует дополнительные модусные смыслы за счет институционального авторитета дискурса-источника: *Вот, значит, сравнительно недавно к нам приезжала Зыкина /в общем, она была здесь последний раз двадцать лет назад / и по выступлении / верней / по статье в газете / где она выразила свое чувство удовлетворения городом / по сравнению с тем / что она видела раньше / можно собственно сделать какие-то выводы... [34]; [Завершая пересказ разговора о купании в реке с В.И. Лениным:] Далее Виктор Дмитриевич рассказал также много и других / значит / мероприятий / которые вме-*

---

¹ СГ – здесь и далее: записи текстов, выполненных в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета в районы бытования среднеобского говора (60–80-е гг. XX в.).

сте с Владимиром Ильичом **проводили** [33]. В последнем случае при обращении к институциональной речевой модели свою особую роль сыграла значимость обсуждаемой персоны для обиденного человека советской эпохи (текст записан в 1981 г.).

Таким образом, обращение обиденного человека к речевым моделям, выработанным в институциональных дискурсах, в лично-ориентированном общении определяется интерпретационной направленностью дискурсивной интенции.

Использование названных моделей реализует потребность говорящего в трансляции (А) диктумного содержания, выработанного в дискурсе-источнике, и (Б) модусных смыслов, сформированных на основании трансформации смыслов дискурса-источника в процессах междискурсивного взаимодействия.

Экспликация диктумного содержания дискурса-источника связана с использованием институциональных речевых моделей в собственно-информативной функции. В основе экспликации модусных смыслов лежит восприятие институциональных дискурсов как социально авторитетных. При этом их социальный авторитет может быть проинтерпретирован обиденным человеком как позитивно, так и негативно. В первом случае институциональные речевые модели становятся «легитимной опорой» бытовой интерпретации действительности, что определяет их использование для реализации эффекта убедительности, а также различных позитивно-оценочных эффектов. Негативная интерпретация социального авторитета дискурса-источника становится основанием для реализации иронической функции.

Лично-ориентированные дискурсы практической направленности условий для использования институциональных речевых моделей не создают.

Названные функции институциональных речевых моделей специфическим образом реализуются в повседневных и неповседневных дискурсах интерпретационной направленности.

Собственно-информативную функцию при трансляции диктумного содержания рассматриваемые речевые модели чаще выполняют в дискурсах повседневных, в неповседневных дискурсах их использование для выражения диктумного содержания в большинстве случаев сопровождается дополнительными модусами.

Модусные смыслы сопровождают рассматриваемые модели в неповседневных дискурсах более частотно. На их формирование влияет особый характер общения, в первую очередь – специфика речевого партнера: незнакомый собеседник, собеседник – представитель инокультурной среды, собеседник, обладающий особым статусом, множественность собеседников и под. В результате нарушение привычного сценария общения компенсируется говорящим за счет обращения к институциональному речевому опыту, обладающему социальной «легитимностью» (отражая стремление субъекта к «восстановлению порядка»).

Использование институциональных речевых моделей для поддержания иронического кооперативного общения характерно для раскованного повседневного общения.

В заключение отметим, что обращение к институциональным речевым моделям, помимо рассмотренных в данной статье, регулируется целым рядом факторов, на которых мы в данном случае либо не сосредоточивались, либо затронули их пунктирно: особенности тематической структуры личностно-ориентированного общения, социально-речевой тип говорящего, тип дискурса-источника и под.

Литература

1. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманит. центр, 2004. 352 с.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1930. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/VOLOSHINOV-29/introd.html> (дата обращения: 26.05.2008).
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 66–78.
6. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // Language in the Inner City. Philadelphia: University of PA Press, 1972. P. 354–396.
7. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. 1974. P. 696–735.
8. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: сб. статей. Томск, 2006. С. 295–302.
9. Лебедева Н.Б. Повседневная письменная речь как новый объект исследования // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: [сб. науч. докл.]. Томск, 2006. С. 67–80.
10. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
11. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 348 с.
12. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопр/ языкознания. 2009. С. 3–21.
13. Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 4 (16). С. 41–52.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
15. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
16. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири. Томск, 2007. 104 с.
17. Русская разговорная речь / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капападзе. М.: Наука, 1978. 306 с.
18. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru
19. Седов К.Ф. Коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 107–118.
20. Живая речь уральского города. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
21. Русская разговорная речь / автор-сост. Г.Г. Инфантова. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2006. 274 с.
22. Китайгородская М.В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
23. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
24. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
25. Касавин И.Т. Повседневность как философско-эпистемологическая проблема // Наука глазами гуманитария. М., 2005. С. 137–166.

26. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств, 2002. 320 с.
27. *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. С. 248–268.
28. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
29. *Сыров В.Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147–159.
30. *Сыров В.Н.* Массовая культура: мифы и реальность. М.: Водолей, 2010. 328 с.
31. *Шюц А.* Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
32. *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: Материалы научных экспедиций.* Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АМГУ, 2005. 441 с.
33. *Русская разговорная речь Заполярья: Норильск.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 92 с.
34. *Русская разговорная речь европейского северо-востока России / под ред. Н.С. Сергиевой, А.С. Герда.* Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1998. 158 с.

Tubalova Inna V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

INSTITUTIONAL SPEECH PATTERNS IN PERSON-ORIENTED DISCOURSES.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 5 (31), pp. 38–52. DOI 10.17223/19986645/31/3

Keywords: institutional speech patterns, discourse, person-oriented discourse, everyday life, ordinary person.

In this study, person-oriented human activity is considered from the point of view of the theory of discourse, where discourse is understood as a "communicative event" (T. Van Dijk).

Individually-personal communication is characterized by principally open borders. Within it, there are stereotypical discursive rules basing on the practical experience of communicators and determining the specificity of speech form organization. The practical experience of discourse subjects is a polydiscursive experience that comprises practices of not only everyday discourse, but also the institutional one with the communicator being a client of the discourse. As a result, texts of person-oriented discourse have speech patterns produced by institutional discourses (institutional speech patterns).

The purpose of this article is to present the peculiarities of speech patterns developed in institutional discourses in texts of person-oriented discourses of various types.

The study of institutional speech patterns in person-oriented discourses is regulated by the following factors.

1. The specific discursive intention that differentiates practical and interpretive discourses.
2. The role of the ordinary person in the discourse as its member. For the person participating in the discourse can be either routine, habitual or unusual, exceptional speech activity. This factor helps to distinguish between everyday and non-everyday discourses.

The ordinary person's choice of speech patterns of institutional or person-oriented discourses is determined by the interpretive features of discursive intentions.

The use of these models realizes the speaker's need in translation (A) of the dictum content generated in the source discourse and (b) modus meanings formed on the basis of the transformation of the meanings of the source discourse in inter-discourse interaction.

Explication of the dictum content of the source discourse is associated with the use of institutional speech patterns in the informative function proper. The explication of modus meanings is based on the perception of institutional discourses as socially authoritative.

Practical person-oriented discourses do not create conditions for the use of institutional speech patterns.

Institutional speech models are implemented in a specific way both in everyday and non-everyday interpretive discourses. They often perform the informative function proper when translating the dictum content in everyday discourses, in non-everyday discourses they express the dictum content with the help of additional moduses in most cases.

References

1. Jorgensen M., Philips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr Publ., 2004. 352 p.
2. Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the philosophy of language: the main problems of sociological method in the science of language]. Leningrad: Priboy Publ., 1930. 160 p. Available at: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/VOLOSHINOV-29/introd.html>. (Accessed: 26th May 2008).
3. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: person, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 477 p.
4. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 280 p.
5. Revzina O.G. Diskurs i diskursivnye formatsii [Discourse and discursive formations]. *Kritika i semiotika*, 2005, issue 8, pp. 66–78.
6. Labov W. *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of PA Press, 1972, pp. 354–396.
7. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 1974, vol. 50, issue 4, pp. 696–735.
8. Lebedeva N.B. *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak proyavlenie povsednevnoy narodnoy kul'tury* [Natural written Russian speech as an expression of people's everyday culture]. In: Kim L.G., Golev N.D. (eds.) *Antropotekst – I* [Anthropotext – I]. Tomsk, 2006, pp. 295–302.
9. Lebedeva N.B. *Povsednevnyaya pis'mennaya rech' kak novyy ob'ekt issledovaniya* [Everyday written language as a new object of study]. In: Sukhanov V.A. (ed.) *Filologiya i filosofiya v sovremennom kul'turnom prostranstve: problemy vzaimodeystviya* [Philology and philosophy in contemporary cultural space: problems of interaction]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 67–80.
10. Borisova N.B., Zyryanova E.G., Plaksina N.Yu., Tyukaeva N.I. *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskie graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing: student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow: KRASAND Publ., 2011. 256 p.
11. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 348 p.
12. Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of the classification of discourses]. *Vopr. yazykoznaniya*, 2009, pp. 3–21.
13. Tubalova I.V. Spetsifika organizatsii diskursoy povsednevnoy [Features of everyday life discourse structure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 4 (16), pp. 41–52.
14. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a person]. 2nd edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
15. Van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1989. 312 p.
16. Ivantsova E.V. *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri: Sb. tekstov* [Live speech of Russian old-timers in Siberia: collection of texts]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007. 104 p.
17. Zemskaia E.A., Kapapadze L.A. (eds.) *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 306 p.
18. Russian National Corpus. Available at: www.ruscorpora.ru.
19. Sedov K.F. *Kommunikativnaya kompetentsiya* [Communicative competence]. In: Polishchuk G.G., Kormilitsyna M.A., Sirotinina O.B. (eds.) *Khoroshaya rech'* [Good speech]. Saratov, 2001, pp. 107–118.
20. Borisova I.N. et al. *Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Teksty* [Live speech of a Ural city. Texts]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1995. 206 p.
21. Infantova G.G. *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute Publ., 2006. 274 p.
22. Kitaygorodskaya M.V. *Rech' moskvicey: kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Speech of Muscovites: communicative and cultural aspect]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2005. 493 p.

23. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkiv: Folio Publ., 2003. 503 p.
24. Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Translated from French by L.E. Kubbel'. Moscow: Progress Publ., 1986. 623 p.
25. Kasavin I.T. *Povsednevnost' kak filosofsko-epistemologicheskaya problema* [Everyday life as a philosophical-epistemological problem]. In: Lektorskiy V. (ed.) *Nauka glazami gumanitariya* [Science through the eyes of a humanitarian]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005, pp. 137–166.
26. Leleko V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [Space of everyday life in the European culture]. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2002. 320 p.
27. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallin: Aleksandra Publ., 1992, pp. 248–268.
28. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB Publ., 1994. 399 p.
29. Syrov V.N. O statuse i strukture povsednevnosti (metodologicheskie aspekty) [On the status and structure of everyday life (methodological aspects)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2000, vol. 2, pp. 147–159.
30. Syrov V.N. *Massovaya kul'tura: mify i real'nost'* [Mass culture: myths and realities]. Moscow: Vodoley Publ., 2010. 328 p.
31. Schutz A. *Struktury povsednevnogo myshleniya* [Structures of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1988, no. 2, pp. 129–137.
32. Galimova D.N. *Slovo: materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word: materials of scientific expeditions]. Blagoveshchensk: AmGU, 2005. Issue 2, 441 p.
33. Gerd A.S. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech' Zapolyar'ya: Noril'sk: Teksty* [Russian colloquial speech of the Subarctic: Norilsk: Texts]. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2002. 92 p.
34. Sergieva N.S., Gerd A.S. (eds.) *Russkaya razgovornaya rech' evropeyskogo severo-vostoka Rossii: Sbornik tekstov* [Russian colloquial speech of the European North-East of Russia: collection of texts]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 1998. 158 p.